

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.03

И. Б. Ломакина

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
lomakina7311@gmail.com

ПОНИМАНИЕ ВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В АГРОГИДРАВЛИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К. А. ВИТТФОГЕЛЯ

Аннотация. Статья посвящена пониманию восточной государственности в агро-деспотической концепции К. А. Виттфогеля. Отмечается, что восточная государственность представляет собой особый тип государственности, который не связан с формированием частной собственности и развитием моногамного брака. Данный тип государственности был историчен и имел свою внутреннюю логику развития. Эта внутренняя логика развития была обусловлена материальными условиями жизни и ментальностью народа. Восточная государственность в агрогидравлической концепции К. А. Виттфогеля выглядит чрезмерно демонизированной. В статье доказывается, что выводы, к которым пришел ученый, недостаточно аргументированы и не выдержали проверки временем. Хотя исходные предпосылки формирования государственности на Востоке Виттфогелем были обозначены верно. В данной статье предлагается преодоление идеологических штампов и клише ориенталистского дискурса. Доказывается, что, существуя тысячелетиями, восточная государственность сегодня демонстрирует удивительный созидательный потенциал и современный Китай тому яркое подтверждение.

Ключевые слова: агрогидравлический деспотизм; азиатский способ производства; восточная деспотия; государственность, рабовладение; ориенталистский дискурс.

UDC 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.03

I. B. Lomakina

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg, Russian Federation,
lomakina7311@gmail.com

UNDERSTANDING EASTERN STATEHOOD IN THE AGRO-HYDRAULIC CONCEPT OF K. A. WITTFOGEL

Abstract. The article is devoted to the understanding of Eastern statehood in the agro-despotic concept of K. A. Wittfogel. It is noted that Eastern statehood is a special type of statehood, which is not associated with the formation of private property and the development of monogamous marriage. This type of statehood was historical and had its own internal logic

of development. This internal logic of development was determined by the material conditions of life and the mentality of the people. Eastern statehood in the agro-hydraulic concept of K. A. Wittfogel looks overly demonized. The article proves that the conclusions reached by the scientist are insufficiently substantiated and have not stood the test of time. Although, the initial prerequisites for the formation of statehood in the East were identified by Wittfogel, right. This article proposes to overcome the ideological clichés and clichés of Orientalist discourse. It is proved that, having existed for millennia, the eastern statehood today demonstrates an amazing creative potential and modern China is a vivid confirmation of this.

Keywords: agro-hydraulic despotism; Asian way of production; eastern despotism; statehood; slavery; orientalist discourse.

Введение

Ирригационная теория происхождения государства в западном политико-правовом дискурсе обычно связана с именем Карла Августа Виттфогеля (1896–1988). К. А. Виттфогель действительно создал весьма оригинальную гидравлическую концепцию, объясняющую причины возникновения государственности на Востоке. Начатая с марксистских позиций о производительных силах, его агрогидравлическая концепция со временем эволюционировала в сторону изучения надстроечных явлений (политики, социальных институтов) и предстала в законченном виде в книге «Oriental despotism: a comparative study of total power» (Wittfogel, 1957) [14].

После своего выхода данная работа вызвала бурную полемику, в которой принимали участие ученые всего мира, а не только США и Европы. К. Р. Галеев в своей фундаментальной статье по историографии данного вопроса приводит исчерпывающий список иностранных источников, посвященных анализу творчества К. А. Виттфогеля [3]. Работа была переведена на японский, немецкий, французский, испанский и итальянский языки. Выступая в качестве обвинителя марксизма, он стал одним из идеологов холодной войны, в которой восточные деспотии, к коим он относил и СССР, и Китай должны были непременно сойти с авансцены истории. Поэтому совсем не удивительно, что на работу К. А. Виттфогеля советские цензоры наложили табу. Будучи идейным врагом всего социалистического мира, Виттфогель снискал себе славу ученого апологета капитала и колониализма. Сейчас книга переведена в режим свободного доступа и одна из переведенных версий представлена в открытом доступе в Интернете. Несмотря на то что в советское время книга не была переведена на русский язык, все же ирригационная теория осмыслялась некоторыми исследователями в контексте критики зарубежных теорий. В числе современных русскоязычных исследователей агродеспотического гидравлизма К. А. Виттфогеля стоит упомянуть: М. С. Восленского, К. Р. Галеева, Ю. В. Латова, Г. Г. Пикова, Р. М. Нуреева, А. Л. Янова [7]. Поставив К. А. Виттфогля в один ряд с А. Тойнби и Л. Н. Гумилевым, Ю. В. Латов остроумно замечает о том, что «очевидно, что “воды” (“гидравлики”) в его концепции оказалось слишком много» [7].

Методы

Методологически статья основана на постклассическом антрополого-правовом подходе, позволяющем с учетом контекстуальности, а именно материальных условий жизни и ментальности народа, проследить процесс государствообразования на Востоке, выявить общее и особенное в механизме восточных государств, а также в динамике проследить факторы, обуславливающие специфику государственной власти. Данный подход ориентирует проводить исследование творчества К. А. Виттфогеля на основе использования синтеза классической и неклассической методологии с учетом признания идеологичности ориенталистского дискурса в целом.

Основная часть

Как показано в ряде опубликованных работ, восточная государственность прошла длительный путь своего развития. Возникнув в IV тысячелетии до нашей эры, она явила миру уникальный политико-правовой опыт, который описывался и оценивался, как это ни парадоксально звучит, европейскими дискурсивными практиками преимущественно через призму негации [13]. Такое положение дел было обусловлено победой европейского индустриализма с превращением Востока в «рынки сбыта и источники сырья» (К. Маркс). Пройдя с триумфальным знаменем по всему миру, на котором было кровью выписана идеологема «Свобода, равенство и братство», европейская интеллектуальная элита создала, несмотря на мнимое множество моделей государства (репрезентативных образов), фактически только две. Первая модель государства была олицетворением варварства и деспотизма; вторая — выступала его антиподом и государство здесь было цитаделью демократии и права.

Истоки негативистской ориенталистской традиции начали прослеживаться уже в Античности. Хотя восточная государственность в тот период времени была еще на пике своего могущества. Противостояние двух потенциальных цивилизаций (Западной и Восточной) можно обнаружить уже у Аристотеля. Так, в работе «Политика» великий греческий мыслитель как бы между делом замечает: «Варвары от природы выступают в большей степени рабами, чем греки, и азиаты более склонны к рабству, чем европейцы: вследствие чего они терпят, не протестуя, деспотическое правление. Такие монархии подобны тираниям, но они пребывают в безопасности, будучи наследственными и законными» [1, с. 373]. Вместе с тем нельзя игнорировать и тот факт, что наряду с негативной оценкой восточной государственности существовала противоположная позиция, предполагающая обратное. Так, например, греческий мыслитель Ксенофонт в своем фундаментальном труде «Киропедия» [6] рассматривал государственное устройство Персидской империи как образцовое, отмечая, что «персидские законы содержат предупредительные меры и с самого начала воспитывают

граждан так, что они никогда не позволяют себе дурного или позорного поступка» [6, с. 15]. Ксенофонт, размышляя о справедливости в персидском понимании этого слова, указывает на то, что персы считают справедливым, когда все подданные Кира имеют равные права, поэтому, используя греческий термин «исономия», Ксенофонт считает Персию благоустроенным (цивилизованным, то есть основанном на праве, а не на произволе. — *И. Б.*) государством.

О том, что восточная государственность была уникальной, не лишенной внутренней потенции развития, пишет известный американский историк У. Мак-Нил: «Греческие философы, торговцы, путешественники познакомились с весьма впечатляющими теологическими и космологическими системами и почерпнули немало полезных знаний. Природа вещей настолько поразила воображение греков, что они создали новую науку — философию» [9, с. 298].

Представленные точки зрения являют собой исключение из общего контекста ориенталистской традиции. Экономическое отставание в XVI веке восточных государств от западных только усугубило имеющиеся противоречия. Поэтому по мере превращения Востока в захолустье всемирно-исторического процесса, его государственность начинают рассматривать исключительно как дикую и отсталую. Жан Боден, Джон Локк, Адам Смит, Ричард Джонс, Дэвид Юм, Шарль Луи де Монтескье, Георг Вильгельм Фридрих Гегель усматривали на Востоке преимущественно застой, рабство и нищету. Продолжая европоцентристскую ориенталистскую традицию и отчасти вторя своему учителю Гегелю, Карл Маркс вбил «последний гвоздь в крышку гроба», увековечив в дискурсивных практиках восточный деспотизм и азиатский способ производства как внеисторический тупиковый путь развития.

Так, в работе «Лекции по философии истории» Г. В. Ф. Гегель пророчествовал о всемирной неизбежной гибели «внеисторических обществ» Востока. «Это конечная судьба азиатских империй подчиняться европейцам, и Китай также должен будет однажды принять эту судьбу» [4, с. 53], — писал Гегель. И далее: «То, что может быть названо политической жизнью является деспотизмом без каких-либо принципов, без моральных и религиозных правил», а «Китай и Индия пребывают в состоянии застоя и до наших дней продолжают естественную растительную жизнь» [4, с. 53].

К. Маркс в целом разделял европоцентристские взгляды Гегеля. И, с одной стороны, он сожалеет о тех ужасах, которые творили англичане в Индии, но, с другой стороны, он считал, что восточные деспотии «должны представлять другие» [11, с. 146]. Поэтому авангардом истории должна была стать Англия. Именно ей, согласно Марксу, «предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии» [10, с. 12].

Анализируя колониальную политику Англии, Маркс констатирует, что Англия со своими ткацкими станками разрушает восточный деспотизм, а это миссия хотя и имеет некоторые издержки в форме угнетения и порабощения простого

индийского народа, но все же ведет к подлинной социальной революции. И эта миссия прогрессивная, так как «мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались с первого взгляда, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сосредоточив все свои интересы на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как рушились крупные империи, как совершались несказанные жестокости, как истреблялось население больших городов, спокойно наблюдали все это, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, соблаговолivшего обратить на них свое внимание. Мы не должны забывать, что эта лишенная достоинства, неподвижная и растительная жизнь, эта пассивная форма существования вызывала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала в Индостане самое убийство религиозным ритуалом. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения господина этих обстоятельств, что они превратили его саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, predeterminedный природой рок и тем создали грубый культ природы, унижительность которого особенно бросается в глаза в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед короной Сабалой» [10, с. 11].

Воззрения К. Маркса на восточную государственность весьма красочно показывают, что в разрабатываемом им романтическом мессианском проекте счастливого будущего человечества — «коммунизме», деспотический Восток обречен на гибель. Разрабатывая модель всемирно-исторического развития (формационный подход), Маркс формулирует идею о пяти типах обществ, в основе которых лежит способ производства. Понимая, что восточная государственность не очень-то вписывается в представленную типологию, он формулирует проблему осмысления азиатского способа производства. Обнаруженная Марксом связь азиатского способа производства с искусственно созданными ирригационными системами и каналами, рабским трудом общинников и их полном бесправии впоследствии легла в основу теории агрогидравлического деспотизма К. А. Виттфогеля. Однако в части понимания надстройки Виттфогель отходит от марксистской идеи о том, что базис первичен, а надстройка вторична. По его мнению, гидравлическая надстройка может переноситься в общества, где нет гидравлического базиса. (Монгольская империя – Россия). Виттфогель включает в свою концепцию либеральный конструкт «свободная воля сообщества». Он полагает, что были такие государства, которые осознанно отвергли ирригационный способ производства, дабы сохранить свои свободы. Поэтому, по его мнению, государства, которые развили

ирригацию и которые активно ее использовали в экономической жизни, остались восточными деспотиями с азиатским способом производства.

Рассмотрим азиатский способ производства как базис восточных деспотий. По Марксу, азиатский способ производства заключался: в государственной собственности на землю; сервилном равенстве общинников перед государством; отсутствии наследственной знати; слабом развитии права в европейском понимании, его связи с религиозными долженствованиями, которые в большей мере связаны были с культом природы. Засушливый климат и специализация на выращивании злаков детерминировали общественные оросительные работы, в результате чего государство становится и целью, и средством.

Таким образом, на протяжении не одного столетия в западном гуманитарном дискурсе сформировалась традиция ориентализма, которая, как прозорливо отмечает Эдвард Саид, в своей фундаментальной работе есть «не пустая европейская фантазия о Востоке, а сотворенная совокупность теории и практики, в которую на протяжении многих поколений делались значительные материальные вложения (material investment). Постоянные инвестиции сделали ориентализм, в качестве системы знаний о Востоке, общепринятой системой фильтрации Востока для западного сознания» [13, с. 125].

Данные рассуждения автора подкрепляются тем обстоятельством, что знания о восточной государственности западной науки базируются на экстерииорности репрезентации, предполагающей невозможность бедного Востока представлять самого себя [13].

Таким образом, оценка восточной традиции управления с точки зрения ориентализма как дикой и отсталой, ни к чему негодной, кроме как закрепить бедных и отсталых китайских, индийских, шумерийских крестьян, не выглядит обоснованно, а лишь репрезентативует свои представления о правильном, прогрессивном капитализме и неправильном азиатском способе производства.

Такое видение проблемы представляется не очень адекватным с точки зрения понимания того, что мир многогранен и не так прост, как может быть казалось тогда. Романтизм и вера в мировой прогресс во главе с флагманом индустрии Англией не принес счастья и процветания колониям, которыми она владела. Поэтому сопротивляясь из всех сил заморским политическим ноу-хау в виде либеральных институтов, местная элита (речь не идет о компрадорской буржуазии) сопротивлялась из всех сил, пытаясь сохранить вековые устои своей политической азиатской культуры, в которой, как писал Конфуций много тысяч лет тому назад, «отец должен быть отцом, а сын сыном. Мораль благородного мужа подобна ветру, а мораль низкого человека подобна траве, куда дует ветер туда наклоняется трава». Приведенную цитату не стоит понимать буквально. За чередой слов кроется глубокий смысл о правовой идентичности, о социальных статусах и особом положении бюрократии, которая выступала грантом стабильной и замиренной жизни.

Восточная государственность, несмотря на ее демонизацию европейским ориенталистским дискурсом, все же была для большинства населения и остается

легитимной как с точки зрения ее характера (деспотического в европейском понимании), так и с точки зрения ее функциональной составляющей (огосударствление всех сфер жизни общества, не исключая социальной ответственности бюрократии). Есть все основания полагать, что восточная государственность — это самостоятельный путь развития мировой цивилизации, который не лучше и не хуже европейского, как не лучше и не хуже мужской пол в отличие от женского.

Восточная государственность, рассматриваемая как дикая и отсталая, не вписываемая в формационную марксистскую типологию, явила собой, как нам представляется, особый тип политико-экономического устройства, и этот тип устройства, так же как и западная государственность, имел в потенции свою логику развития. Поэтому в своем развертывании во всемирно-историческом процессе (используя марксистскую терминологию) эта государственность приобрела в дальнейшем более развитые формы на индустриальной стадии. Отсюда феномен победы социалистической революции в экономически неразвитой стране. Этим же обстоятельством объясняется жизнеспособность авторитарных и тоталитарных режимов, вопреки предсказаниям К. А. Виттфогеля о том, что «гидравлическое общество есть... классический пример общественной стагнации. Эта общественная форма... меняет свой основополагающий строй только под влиянием приходящей извне силы» [14]. Поэтому без активного воздействия со стороны Запада спонтанный генезис полицентричного общества на деспотическом Востоке Виттфогель считал невозможным.

Таким образом, мы полагаем, что восточная государственность, базирующаяся на азиатском способе производства и авторитарном правлении бюрократии, изначально имела аутентичные предпосылки для формирования особого типа государства, не рабовладельческого и не феодального в европейском смысле, а, как пишет в своих работах Д. Ю. Миропольский [12, с. 131], государства основанного на номенклатурно-объемных отношениях, имманентно содержащих в себе механизм эксплуатации не рабов, как в Греции или в Риме, а крестьян-общинников. Поэтому, рассматривая формирование государственности на Востоке, стоит отметить, что не родовая знать, а бюрократия была главным мобилизующим началом во всех сферах жизни общества.

Возникает вопрос: почему восточное рабовладение не было классическим с точки зрения западной культуры? Вопрос сложный. С экономической точки зрения Д. Ю. Миропольский весьма аргументированно заявляет о том, что в экономике евразийского типа (в нашем случае восточной государственности) завоеванные территории вливаются в состав царства или империи, и завоеванные народы становятся полноправными подданными царя, с коллективной собственностью на рабочую силу, которую эксплуатировали по плану. Создание и поддержание в нормальном состоянии сложной, единой ирригационной системы требовало не рабов, а нормально живущих подданных. Рабочего делает собственником своей рабочей силы не милость капиталиста, а возможность уходить на другое место работы. В плановой экономике совокупный работник — собственник рабочей силы так же не вследствие милости бюрократии, а вследствие

того, что в случае нарушения нормального воспроизводства совокупной рабочей силы бюрократия потеряет если не все, то очень многое [12, с. 132].

К представленной выше экономической аргументации можно еще добавить и психологический момент, а именно: раз все завоеванное население включается в единый экономический процесс, то, соответственно, это население должно быть своим и разделять ценности той политической культуры, которая стала гегемоном-объединителем. Поэтому каждый должен был участвовать в «великом почине» (государственном строительстве). В таком варианте государство не отчуждалось от общества и существовало с ним слитно, являя собой некий симбиоз обязанностей и прав, воплощенных в «великом служении», например, Сыну Неба (китайскому императору) или заместителю Бога на земле (египетскому фараону). Поэтому как с экономической, так и с психологической точки зрения использование труда чужих было неприемлемым для государств восточного типа. Как бы то ни было, какие бы аргументы ни приводились на этот счет, очевидным фактом является то, что труд крестьян-общинников использовался повсеместно и на постоянной основе в создании материально-технической базы государства.

Поэтому, как отмечают многочисленные исследователи Востока, в частности Л. С. Васильев, один из самых авторитетных советских востоковедов, рабство на Востоке носило патриархальный характер [2]. Патриархальный характер рабства обусловил использование труда рабов в домашнем хозяйстве, поэтому они не были «говорящим орудием» как, например, в Греции или Риме, а просто находились в услужении у правящей бюрократии. Рабами были евнухи, прислуга, наложницы, иногда палачи, мусорщики и прочие представители «грязных» профессий. «Основными же товаропроизводителями были крестьяне-общинники. И все тяготы трудовой жизни (повинности — обязательные работы) ложились на их плечи. Будучи задействованными во всех грандиозных “стройках века”: строительстве пирамид, прокладывании ирригационных каналов, воздвижении Великой стены или постройке Храма Великой Богини, свободные общинники эксплуатировались бюрократией во имя процветания государства» [8].

Как отмечает В. В. Коровкин, исследователь экономического строя государств восточного типа: «Восточный мир создал форму военно-политического объединения в виде обширных монархических государств, но не сумел выработать нужных ему форм рабовладельческого экономического строя» [5, с. 68]. Восточный мир в принципе не мог создать рабовладельческого экономического строя потому, что, в отличие от античного мира, исходные предпосылки у него были другие. Однако ориенталистский дискурс продолжал настаивать на том, что восточная деспотия — это деспотия, основанная на тотальном рабстве. Поэтому К. А. Виттфогель, будучи одним из борцов с авторитаризмом и тоталитаризмом, следуя марксистской традиции, видел, как и К. Маркс ранее, в восточной государственности всеобщее рабство. Всеобщего рабства на Востоке никогда не было, но была патерналистская модель, в которую все подданные государства вписывались как винтики в единое целое. Целое всегда

доминировало над частным, отсюда «общественное выше личного», «народ и партия едины», а долг и ответственность имманентны праву и государству в целом.

Заключение

Подводя итог возникновению государственности на Востоке, отметим следующее:

1. Солидаризируясь с точкой зрения К. А. Виттфогеля, стоит отметить, что государственность на Востоке возникла не в результате появления частной собственности и моногамного брака, как на Западе, а в результате строительства стратегических объектов, и в первую очередь ирригационных систем и каналов. Гидравлический базис восточных государств обеспечил население возможностью стабильно осуществлять хозяйствующую деятельность, без риска наводнений, размыва почвы, что, в свою очередь, повысило рентабельность хозяйств. Прибавочный продукт (используя марксистскую терминологию) изымался государством и использовался в целях наращивания инфраструктуры, обеспечивающей стабильное поддержание и защиту этих самых стратегических объектов.

2. Гидравлический базис восточной государственности был обусловлен материальными условиями жизни и ментальностью самого народа, творца своей истории, которая, увы, была написана победителями с позиций азиатского способа производства (К. Маркс) и агрогидравлического деспотизма (К. А. Виттфогель). Поэтому ориенталистская традиция требует пересмотра с точки зрения исторической справедливости. Конечно, восточную государственность не стоит идеализировать, но опыт восточной традиции управления нельзя сбрасывать со счетов.

3. Восточная государственность была государственностью, в основе которой лежала номенклатурность, выраженная господством бюрократии. Основными товаропроизводителями в таком типе экономических и политических отношений выступали крестьяне-общинники, вовлеченные в процесс государствообразования на основе их трудовой повинности.

4. Восточная государственность базировалась на принципе холизма, но холизма, осуществляемого сверху. В таких обществах практически не было места самоорганизации на низовом уровне. Зато было место собирания всех вокруг сильного лидера, «отца нации», «партии власти» и прочих государственных структур.

5. Авторитарный режим и мобилизационный тип экономики, сформированный в условиях, далеких от идеальных рыночных условий (умеренный климат, плодородная почва, не требующая дополнительных затрат на ее использование, средняя плотность населения и прочее), был исторически обусловлен и не был произволом безответственной бюрократии, жестоко эксплуатировавшей своих подданных. Чужих в данном социокультурном контексте деспотических восточных государств, как это ни парадоксально звучит, попросту

не было. Все чужие включались в единое социокультурное пространство и в деспотической имперской модели воспроизводились как включенные свои. Поэтому вопрос рабства скорее вопрос риторический, и, как нам представляется, К. Маркс и К. А. Виттфогель на него дали не очень адекватный ответ.

6. Марксистская теория, базирующаяся на формационном подходе и волею судеб развитая Виттфогелем (несмотря на его отречение от марксизма), показала, что восточная государственность — это особый тип государственности, в основе которого лежит азиатский способ производства. Поэтому государственность на Востоке — это патерналистское государство с зачатками плановой экономики и господством власти бюрократии. Воспроизводство данного типа государства на протяжении многих тысячелетий, говорит о том, что данный тип государства историчен и ориенталисты его напрасно списали в архив истории. Восточные государства имеют потенцию в своем развитии, и современные Китай, Индия, Иран — яркое тому подтверждение.

7. Ключевой особенностью восточного администрирования стоит отметить то, что государственная власть реализовывалась в форме демократического централизма, который был фундаментальной скрепой всей политической культуры Востока. Демократический централизм, предполагал обобществление, а, вернее, огосударствление всех форм жизни общества сформировал особый тип коммуникации, в котором институциональная легитимация осуществлялась через систему воспитания лояльных императору и государству подданных. Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в конфуцианстве.

Таким образом, обозначив специфические особенности восточной государственности агрогидравлических деспотий (К. А. Виттфогель), стоит отказаться от нарратива, сформулированного У. Черчиллем о том, что «демократия — худшая форма правления, если не считать всех остальных». Каждый тип государства и каждая форма государства (форма правления, территориальное устройство, политический режим) всегда контекстуально обусловлены и всегда имеют институциональное выражение в реальных практиках населения (граждан или подданных, статусных групп, в том числе элит). Их отражение в дискурсивном пространстве имеет идеологическое значение. Историю пишут победители. Сегодня нет победителей или, по крайней мере, ситуация изменилась по сравнению с ситуацией 90-х годов XX века. Поэтому изменение вектора развития заставляет задуматься о том, что прошлое Запада не находится на Востоке, как ранее утверждали ориенталисты. Ведь сегодня Восток не везде и не всегда ресурсная окраина мира, источник сырья и рынок сбыта. Представляется, что признание этих идеологически не ангажированных (хотя любая интерпретация связана с редукцией) идей является более продуктивной стратегией понимания государственности в контексте политических и экономических процессов в современном мире, мире противоречий и угроз.

Вышеизложенное дает основание полагать, что мифологемы и идеологемы, растиражированные ориенталистским дискурсом о восточном деспотизме и азиатском способе производства как диком и внеисторичном, со временем будут пересмотрены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч. И. В. Брагинской, М. Л. Гаспарова, С. А. Жебелева, Т. А. Мимер. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.
2. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983. 368 с.
3. Галеев К. Р. Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. 2011. С. 155–179.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
5. Коровкин В. В. Очерки истории государственного хозяйства, государственных финансов и налогообложения в Древнем мире. М.: Магистр, 2009. 733 с.
6. Ксенофонт. Киропедия. М.: Наука, 1976. 347 с.
7. Латов Ю. В. «Восточный деспотизм» К. А. Виттфогеля (к 50-летию «странной» книги) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2. С. 8–37.
8. Ломакина И. Б., Честнов И. Л. История политических и правовых учений: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2019. 128 с.
9. Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. 1064 с.
10. Маркс К. Британское владычество в Индии. М.: Прогресс, 1982. 21 с.
11. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. М.: АСТ., 2021. 224 с.
12. Миропольский Д. Ю. Очерки теории продукта: номенклатура и объем на аграрной стадии. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 2023. 276 с.
13. Саид Э. Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов. М.: Музей современного искусства Гараж, 2021. 560 с.
14. Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power, New Haven and London, CT: Yale University Press, 1957 / Inc. sixth printing Forge Village: The Murray Printing Company, 1967. 326 p. (Неофициальный перевод Страхова А. А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти, 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (дата обращения: 14.01.2023)).

References

1. Aristotel'. Politika // Sochineniya: v 4 t. T. 4 / per. s drevnegrech. I. V. Braginskaya, M. L. Gasparova, S. A. Zhebeleva, T. A. Mimer. M.: My'sl', 1983. S. 376–644.
2. Vasil'ev L. S. Problemy` genезisa kitajskogo gosudarstva. M.: Nauka, 1983. 368 s.
3. Galeev K. R. Teoriya gidravlicheskogo gosudarstva K. Vittfogelya i ee sovremennaya kritika // Sociologicheskoe obozrenie. T. 10. № 3. 2011. S. 155–179.
4. Gegel` G. V. F. Lekcii po filosofii istorii. SPb.: Nauka, 1993. 480 s.
5. Korovkin V. V. Ocherki istorii gosudarstvennogo hozyajstva, gosudarstvennyh finansov i nalogooblozheniya v Drevnem mire. M.: Magistr, 2009. 733 s.
6. Ksenofont. Kiropediya. M.: Nauka, 1976. 347 s.
7. Latov Yu. V. «Vostochny`j despotizm» K. A. Vittfogelya (k 50-letiyu «strannoj» knigi) // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2007. T. 8. № 2. S. 8–37.
8. Lomakina I. B., Chestnov I. L. Istoriya politicheskikh i pravovy`h uchenij: ucheb. posobie. SPb.: Sankt-Peterburgskij jurid. in-t (filial) un-t prokuratury Rossijskoj Federacii, 2019. 128 s.

9. Mak-Nil U. Voshozhdenie Zapada. Istoriya chelovecheskogo soobshchestva. Kiev: Nika-Centr; M.: Starklajt, 2004. 1064 s.
10. Marks K. Britanskoe vladychestvo v Indii. M.: Progress, 1982. 21 s.
11. Marks K. Vosemnadcatoe bryumera Lui Bonaparta. M.: AST, 2021. 224 s.
12. Miropol'skij D.Yu. Ocherki teorii produkta: nomenklatura i ob'em na agrarnoj stadii. SPb.: Izd-vo SPbGEU. 2023. 276 s.
13. Said E. Orientalizm / nauch. red. A. R. Ihsanov. M.: Muzej sovremennogo iskusstva Garazh, 2021. 560 s.
14. Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power, New Haven and London, CT: Yale University Press, 1957 / Inc. sixth printing Forge Village: The Murray Printing Company, 1967. 326 p. (Neoficial'nyj perevod Strahova A. A. Despotizm Vostoka. Sravnitel'noe issledovanie total'noj vlasti, 2017 [Elektronnyj resurs]. URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (data obrascheniya: 14.01.2023)).

Статья поступила в редакцию: 04.02.2023;
одобрена после рецензирования: 20.02.2023;
принята к публикации: 22.02.2023.

The article was submitted: 04.02.2023;
approved after reviewing: 20.02.2023;
accepted for publication: 22.02.2023.